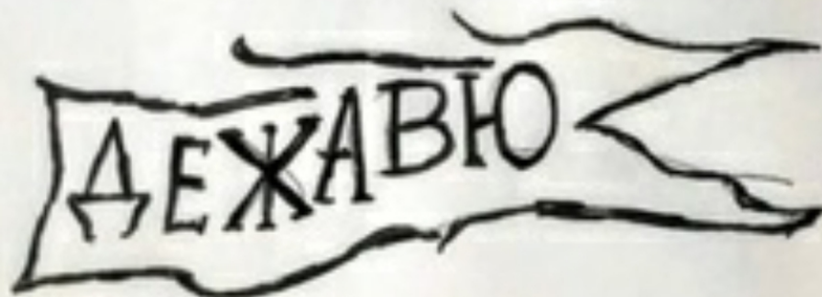

Борис Хмельницкий

РЕАЛЬНАЯ ФАНТАСМАГОРИЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Борис Хмельницкий

Дежавю

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Хмельницкий Б. И.

Дежавю / Б. И. Хмельницкий — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В отдаленной от центра страны Полянской губернии внезапно изменился климат: на губернию пала жара - плюс 50 градусов и выше. Электроника то сбоила, то останавливалась и, наконец, совсем отключилась. Следом сгорели трансформаторы на подстанциях, погасло электричество, прервалась телефонная связь, прекратило вещание телевидение. Остановились заводы и иномарки, набитые электроникой, закрылся аэропорт и пропал интернет. И посыпались на губернию неприятности. Сначала загорелись леса, её окружавшие. Запросить помощь из столицы возможности не было, спасти леса всенародной молитвой не удалось, и леса сгорели полностью. Затем так же внезапно скончался 98-летний генерал-губернатор, правивший губернией 66 лет. Рухнула привычная жизнь; население и оставшееся без руководства правительство пришли в полную растерянность. Чтобы исправить ситуацию и наладить нормальную жизнь, начальник охраны покойного губернатора старший майор Вахтов временно возглавил губернию... Содержит нецензурную брань.

© Хмельницкий Б. И., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

«Ежели древним эллинам и римлянам дозволено было слагать хвалу своим безбожным начальникам и предавать потомству мерзкие их деяния для назидания, ужесли же мы, христиане, от Византии свет получившие, окажемся в сем случае менее достойными и благодарными?»

М.Е. Салтыков – Щедрин «История одного города»

Дежавю – психическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной

ситуации или подобном месте. Однако когда и где произошла эта ситуация – во сне или наяву, в прошлом или в будущем – понять не может.

Часть первая. Беды и удачи Полянска

Из газеты «Обыватель»

Вчера население Полянской губернии отметило девяносто восьмой день рождения генерал-губернатора, Семена Семеновича Скрепина. Город украсился воздушными шарами и цветочными гирляндами, над домами развевались флаги. Вдоль тротуаров работали киоски со сладостями для детей и пивом для взрослых. В городском парке прошел фестиваль гриля, на площадях продемонстрировали свои достижения спортсмены. Горожане с удовольствием приняли участие в массовом гулянии, ибо Семен Семенович со свойственной ему мудростью подгадал родиться в апреле, когда тепло, солнечно и начинают цвести яблони.

Семен Семенович отмечал день рождения в своей резиденции среди родных и узкого круга приближенных лиц. Сначала зачитали личное поздравление Президента, высоко оценившего заслуги Скрепина перед страной. Губернатор растрогался.

Гостей развлекала исполнительница русского шансона и любимица народа Люба Верная. По просьбе именинника она с чувством исполнила его любимую песню:

Хочу мужа, хочу мужа,
Хочу мужа я.
Принца, герцога, барона
Или короля.
Жизнь без мужа – злая стужа.
Дайте мужа, дайте мужа
Хоть за три рубля.

«Жаль страдающих от одиночества женщин, – сказал генерал-губернатор. – Им непременно надо помочь».

Завершился вечер торжественным салютом. Небо осветилось тысячами огней. Салют могло лицезреть всё население губернии.

1. Жара

В понедельник неожиданно на Полянскую губернию пала жара. Немыслимая жара; 49 градусов в тени по Цельсию. А на солнце обычный градусник зашкаливало. В воздухе появилось подобие ряби. Такие явления природы не редкость в южных странах или, допустим, в Африке, но чтобы в северной губернии... Чудит климат, несомненно, чудит. Поляне пришли в растерянность.

Жара не спадала. Электроника стала вести себя, как пьяный на дороге – то сбоила, то останавливалась и, наконец, совсем отключилась. Следом сгорели трансформаторы на подстанциях, погасло электричество, прервалась телефонная связь, прекратило вещание телевидение. Остановились заводы и иномарки, набитые электроникой, закрылся аэропорт и пропал интер-

нет. Не учли ученые, внедряя в жизнь нана разработки, проделок природы. И прав был митрополит Егорий, всегда утверждавший, что электричество и фантазии ученых есть развлечения сатаны, и до добра они не доведут. Вот и не довели. Привычное течение жизни рухнуло.

Все можно пережить: и пропажу электричества – сто лет назад преспокойно жили при свечах и лампадах, и неподвижность иномарок – ездили когда-то в каретах и на телегах, и ничего, перемещались в пространстве. И черт с ним, с интернетом, дети хоть перестанут зрение портить. Но молчание телевизора – средоточия духовной жизни населения – пережить трудно. Если не сказать – невозможно. Кто и как доставит населению вечерние утхи в каждый дом? Представьте себе такую картину. Приходит человек домой после работы уставший и раздраженный. А дома жена в папильотках и двое подростков пубертатного возраста. Жена пилит за отсутствие денег и требует выбросить, наконец, елку, пубертаты смотрят волчатами, а экран телевизора черен, как южная ночь. И о том, как тебе сегодня стало жить лучше, чем вчера, не узнаешь, и футбол не посмотришь. Фильм ужаса, и тот человечней. Народ, естественно, возмутился.

Дабы выяснить, сколь долго придется терпеть издевательство природы над рабочим людом, толпа горожан отправилась к Полянскому отделению Академии наук. Уж кто-кто, а ученые знать должны, они же все это затеяли.

Ученые от общения с народом не отмахнулись, но вину не признали, выдвинули две гипотезы, на которые наука еще влияния не имеет. Первая – жара теперь навсегда, поскольку ось земли сдвинулась на тридцать градусов широты южнее; вторая – это результат потепления, и жара явление временное, ибо климат на земле вообще постоянно меняется. Достаточно вспомнить ледниковый период.

– Это как же понять? – спросил люд. – Нам что, теперь ждать, когда ледниковый период снова начнется? Это же, небось, тысячу лет пройдет!

– Для планеты тысяча лет – мгновение! – ответили ученые хором.

– Нам бы хоть до субботы дожить! – возопила толпа.

– Делайте по утрам физзарядку и доживете, – подбодрили толпу ученые. – А о ближайшем будущем спросите синоптиков, им доподлинно все известно.

Пошли к синоптикам. В конторе застали всего одного человека. Он объяснил, что сотрудники на объектах, а лично он – астроном, наблюдающий за вращением небесных тел, и земным климатом не занимается.

– Ты не крути, отвечай! – потребовала толпа. – А то не посмотрим, что ты астроном.

– Подчиняюсь насилью, – заявил астроном. Он послунил палец, выставил его в окно. Палец моментально потемнел от загара. Он рассмотрел палец со всех сторон и уверенно заявил:

– Безветренно. Плюс сорок восемь или пятьдесят четыре. Облаков нет, дождь в ближайшее время не предвидится.

Вообще-то синоптикам особо не доверяют. Но если они к тому же еще астрономы, меняет дело. Эти с небесами связаны, мало ли что они там видят. И народ кинулся в магазины за паннами и соломенными шляпами, а женщины за купальниками. Правда, в Полянской губернии моря не было, но в озеро тоже голой не сунешься.

Женские надежды покрасоваться в озере в новом купальнике не оправдались, жара не спадала, и вода в озерах повысилась до степени горячего чая. По городу разнеслись слухи о близости конца света. Ученые, конечно, эту чушь опровергли, митрополит Егорий усомнился, а народ призадумался; ну, а вдруг? Ученые же сами говорят, что не все тайны мироздания им известны. На всякий случай офисы и магазины закрылись, а сердобольные учителя отпустили школьников домой – пусть побудут с родителями напоследок. В ожидании Армагеддона народ укрылся в домах, зашторил окна и спустился в подвалы (там прохладней), прихватив с собой по ящику пива и по паре бутылок перцовки, – умирать, так не всухую!

Город опустел. Укрылись в тени уличные собаки и блудливые коты. Жадные голуби сидели под деревьями, распластав крылья и раскрыв клювы. Ожилились лишь азиаты – владельцы сушибаров и пиццерий. Им жара нипочем, привыкли к солнцу у себя на родине. И знали нравы местного населения – те даже во время конца света потребуют пищу. Изготовители ликероводочных напитков тоже просекли ситуацию. Ибо для русского человека пицца и суши не еда вовсе, а закуска, находящаяся в одном ряду с маринованными грибами, селедкой и оливье.

Не растерялись и газетчики. Главный редактор газеты Канарейкин (псевдоним «Кенар»), велел сотрудникам найти печатные машинки:

– Нельзя оставлять людей без качественной и правдивой информации. Будем издавать газету в машинописном виде. Печатаем информацию в четырех экземплярах и расклеиваем их на дверях домов и заборах.

– Мне папа запрещает подходить к заборам. – Юная журналистка Смирена Замятина покраснела. – Там такое пишут! И еще картинки разные!

– Папу нужно слушать. (А как, иначе, если папа – зампреда губернского правительства?) Клейте, отвернувшись, – посоветовал Кенар.

– Я журналист, – заявила Смирена. – Меня учили, что журналист не должен закрывать глаза на безобразия.

Проженную акулу пера, каковым считался в среде журналистов Кенар, трудно сбить с толку.

– Это верно, но однобоко, – сказал он. – Конечно, журналист должен во всем искать способ разбудить интерес читателя к заметке. Но и советами родного отца пренебрегать нельзя. Ищите компромисс. К примеру, щурьтесь. Когда глаза прищурены, буквы на заборе расплываются. Факт безобразия в общих чертах виден, но детали не ясны, и вы их не различите. А умный читатель вынесет суждение о названном вами факте самостоятельно.

Печатные машинки обнаружили в музее. Разные – от «Ундервуда» до «Москвы». Здесь же разыскали старые фотоаппараты ФЭД для работы фотографов: газете, в каком бы виде она не выпускалась, необходимы фотоматериалы. И журналисты уселись за работу. Треск в помещении редакции стоял невероятный.

Машинописная газета появилась на заборах и витринах.

2. Правительство

Председатель губернского правительства Мямлин, человек нервный и впечатлительный, обнаружил газетный листок на парадной двери своей виллы. Узнав из него о происходящем в городе, так разволновался, что не спал всю ночь. Вертелся по дому,пил валерьянку пополам с бромом.

– Ты человек маленький, от тебя конец света не зависит, – успокаивала его супруга, Касандра Дмитриевна. – Сообщи обо всем губернатору, пусть он вертится.

– Старшему майору это не понравится, – обреченно сказал Мямлин.

– Не ищи для своей трусости оправданий, – возмутилась Касандра. – Причем тут старший майор?

– Ты забыла?.. – В глазах Мямлина метался страх, вызванный воспоминаниями. В начале работы председателем он доложил губернатору о дефиците бюджета. При сем докладе присутствовал начальник личной охраны Скрепина, старший майор Вахтов. После доклада он увел Мямлина в свой кабинет. «Своим известием вы огорчили губернатора. Чем вы думали?» – спросил он. Спросил вежливо, что еще страшней, лучше бы накричал. Ибо старший майор Вахтов установил для службы охраны правило: чиновника, огорчившего губернатора, положить на землю, примерно наказать, а уж потом разбираться в причинах. После той беседы Мямлин, фигурально говоря, неделю сидеть не мог. И этим самым местом навсегда запомнил урок.

– Иди, будь мужчиной, – потребовала жена. – На этот раз тебе ничего не грозит.

Мямлин к советам Ксандры прислушивался, веря, что имя жены – это знак её воплощения знаменитой прорицательницы из Трои, хоть и без сдвоенной букв «с». Он собрался с силами и отправился в резиденцию губернатора.

Губернатор, директор губернского отделения Госбанка Фигин, профессор медицины Майский и начальник охраны губернатора Вахтов играли в покер. Семен Семенович выигрывал и пребывал в хорошем настроении.

Увидев рядом с губернатором старшего майора, Мямлин замер в трех метрах от Скрепина и завел руки за спину. На всякий случай. Вахтов заметил это движение и улыбнулся: хорошая память у председателя.

– Что у тебя? – спросил генерал-губернатор.

Мямлин сообщил о гипотезах ученых, об остановке производства, торговли и слухах о конце света.

– Не трусь, председатель, прорвемся, наши люди всё выдюжат, – улыбнулся генерал-губернатор. – И не такое бывало.

– Конца света у нас еще не было, – иронически усмехнулся Вахтов.

– Все в жизни случается в первый раз, – философски заметил губернатор. – Первый раз бабу целуем, первый раз поясница ноет. Потом привыкаем.

– Магазины должны работать в любых условиях, – сказал банкир Фигин. – Они обеспечивают пополнение бюджета.

– Так жарко же. – Мямлин, видя хорошее настроение губернатора и Вахтова, расслабился совершенно, даже вытащил руки из-за спины.

– А пусть работают ночью, – предложил Вахтов, тасуя карты. – Ночью прохладно и темно; конца света никто не заметит. И подключите полицию. Народ у нас своевольный; мало ли что придет им в голову под воздействием жары и перцовки.

– Правильно, – сказал губернатор. – Все, председатель. Получил совет, теперь действуй. Совет Вахтова, поддержанный губернатором, равносильно распоряжению.

Вернувшись в Дом правительства, Мямлин велел секретарю собрать членов правительства на экстренное совещание.

Члены правительства приехали на бричках с крытым белой тканью верхом. В белых рубашках с короткими рукавами, в белых брюках, соломенных шляпах и сандалиях на босу ногу. Все как на подбор крепкие, видно, что ведут здоровый образ жизни, фитнесом не брезгуют. Быстрая замена иномарок на брички говорила об их уме и способности приравниваться к обстоятельствам. Уселись, обмахиваясь глянцевыми журналами. Только митрополит Егорий явился в черной рясе и начальник полиции, полковник Воловик, в форме: галифе и хромовые сапоги.

Министры – не губернатор и не Вахтов, их и пожурить можно. Мямлин выговорил за нарушение дресс-кода и предложил сесть.

– Мы не знаем, как долго продлится жара, а работать нужно, – сказал он. – Губернатор требует перевести деятельность торговли и полиции на ночь.

– Люди не смогут работать в полной темноте, – сказал зампредседателя Загладин, курирующий департаменты экономики и финансов.

– По-вашему, Семен Семенович ошибается?

Услышав этот вопрос, министры немедленно принялись рассматривать картинки в журналах. А митрополит Егорий сделал вид, что вздремнул, даже всхрапнул для убедительности.

– Полицейским будет трудно работать ночью, – с деловым видом сказал начальник полиции Воловик. – Когда полная луна, патрулировать можно и без света, а когда облака, то ни зги не видно.

– Установите масляные лампы на уличных столбах и назначьте ответственных за каждый фонарь, – распорядился Мямлин. – Что, кстати, даст нам новые рабочие места. А полицию прошу внимательно следить за торговцами, разносящими ночью пиццу и алкоголь по домам. На вынос они торгуют без кассовых аппаратов, что подпадает под статью о нелегальной торговле.

– Масляные фонари испортят внешний вид города, – подал голос зампредела Замятин, курирующий департаменты торговли и градостроительства.

– Вы ведете себя, как саботажник, господин Замятин. Это недопустимо, – возмутился председатель. И закрыл совещание.

Не желая прослыть саботажником, Замятин подрядил СМУ срочно установить на электрических столбах фонари. Рабочие, прихватив с собой монтерские когти, заказ выполнили. Вновь набранные сторожа залили в фонари масло. При наступлении сумерек уличные фонари зажглись. Светили они, увы, не так ярко, как электрические, но человеческий силуэт разглядеть вблизи позволяли. А к ночи открылись все магазины и появились полицейские патрули в жилетах. На груди и спине жилетов отсвечивали катафоты. По ним полицейские в полутьме узнавали друг друга.

Азиаты и торговцы спиртным старались прошмыгнуть мимо патрулей незаметно. Полицейские нелегалов отлавливали и штрафовали. Штраф патрульные предпочитали получать на месте преступления пиццами и перцовкой, ибо деньги в преддверии конца света утратили свою ценность.

Появление у патрульных большого количества перцовки и пицц, вызвало взрыв патриотических чувств у полицейского корпуса. Весь личный состав полиции пожелал включиться в борьбу с торговцами.

– Катафотов больше нет, – отказал Воловик.

– Ради порядка мы готовы работать без катафотов, – заявили полицейские. – Мы же патриоты родного города.

Аргумент мощный, его и ломом не перешибешь. Полковник согласился. И улицы города начали патрулировать десятки нарядов полиции. Увидев усиленную охрану, нелегальные торговцы сдались, прекратили разносить товар по домам, что чрезвычайно расстроило полицейских. Зато директора гастрономов были довольны. Теперь народ забегал вечером перед работой в гастроном, и реализация закуски и алкоголя увеличилась в несколько раз.

Об успехах полиции и торговли Воловик доложил председателю правительства. Увеличение продажи алкоголя насторожило Мямлина, он вспомнил слова старшего майора о своелюбии населения под воздействием перцовки. И на следующий день появился Указ правительства, разрешающий продажу алкоголя с семи утра до часу дня. Чтобы народ успел после работы расслабиться, отдохнуть, и со свежими силами выйти в ночную смену. Население, конечно, огорчилось, но не слишком: аптеки работали согласно новым правилам, и настойки боярышника продавались без ограничения всю ночь.

3. Пожар

Жара не спадала. Температура устойчиво держалась в пределах сорока трех градусов плюс. И загорелись леса. Для губернии, окруженной лесами, это беда. По небу, в сторону горного перевала, ведущего в Горскую губернию, полетели стаи птиц. По центральному проспекту Полянска в ту же сторону промчались олени и кабаны. Из районного центра Луч, расположенного на юге губернии, с криком «Лес в огне!..» прискакал на коне лесник Куча. Он восседал на коне совершенно голый, весь в саже. На его плече сидела огромная ворона и орала. В ее картавом крике слышались слова: «Горим, братцы! Горим!..» Документы, пицца и перцовка у седока отсутствовали, и патруль справедливо заподозрил его в попытке нарушить установленный порядок. Кучу задержали и отвели в полицейское управление. Во время задержа-

ния лесник испачкал сажей гимнастерку начальника патруля, лейтенанта Кривулина. О чем и был составлен протокол, в котором указывалось, что сажа на новенькой гимнастерке нанесла серьезный вред психическому здоровью офицера. Кучу отвели к судье. Судья, прочитав протокол, назначил леснику наказание в виде денежного штрафа. Поскольку у голого Кучи денег не обнаружили, в пользу истца изъяли лошадь. Ворону, как не представляющую материальную ценность, ему оставили. Решение суда лейтенанта удовлетворило. Он отнес копию приговора полковнику, чтобы получить разрешение выезжать патрулировать ночью на собственной лошади.

Воловик возмутился:

– Выходит, остальные полицейские на ногах, а ты на лошади!? Много об себе воображаешь, а основную работу не выполнил, кто лес поджег узнать не удосужился.

– Спрашивал, господин полковник, – солгал Кривулин. – Ей-богу, спрашивал. Он не знает.

– Не знает?!.. – возмутился полковник. – И чему только вас в школе полиции учат!? Он же весь в копоти! Пораскинь мозгами, что это значит?

Лейтенант молчал, смотрел на начальство преданно, не моргая.

– Это значит, что он и есть поджигатель, – подсказал полковник.

Кривулин, пораженный мощным дедуктивным умом начальника, сорвался с места и побежал допрашивать лесника. Но того уже и след простыл. А полковник, схватив фуражку, покинул кабинет, быстрым шагом пересек площадь и вошел в Дом правительства, бросив на ходу охране:

– Мне срочно к председателю!..

Мямлин сидел в кабинете, пил воду, заготовленную заботливыми руками Касандры. В стакане плавали дольки лимона и лепестки чайной розы. Над его головой висел портрет губернатора, а ниже его изречение: «Взятка унижает человеческое достоинство»

«Что-то меня давно никто не унижал», – с огорчением подумал Воловик.

– Пить хотите, полковник? – спросил Мямлин.

– Извините, на работе не пьем.

– Даже воду? – удивился Мямлин.

– Особенно воду, в ней микробы. – Полковник снял фуражку, вытер платком шею и доложил: – Горят леса, господин председатель. По всему периметру губернии.

– О господи!.. – простонал Мямлин. – Только этого нам не хватало...

– Так точно, не хватало, – согласился Воловик. – Что прикажете делать?

– Сейчас соберем кабинет министров и сообща решим. – Мямлин никогда не принимал решений самостоятельно. В этом он проявлял непоколебимую принципиальность. И велел секретарю собрать кабинет на новое заседание.

Члены правительства явились, бурча: «Все заседаем и заседаем. А когда работать?»

Председателя бурчание подчиненных задело:

– У вас ненормированный рабочий день. Кому не нравится, может уходить в бизнес.

Управленцы поняли, что дело серьезное, – таким категоричным они председателя никогда не видели. Забормотали извинения.

– Извинения приняты, – сказал Мямлин. И продолжил: – Наша губерния в кольце огня. Горят леса, гибнет народное достояние. Нужно срочно тушить. Жду ваших соображений.

– Обратитесь к военным, пусть сбросят на леса пару бомб. Взрывы собьют огонь, – сказал министр юстиции Кукуев.

– Разве вам не известно, что самолеты не летают? Военным не на чем поднять бомбы.

– Существуют воздушные шары, – не скрывая сарказма, сказал Кукуев.

Члены правительства улыбнулись; противостояние председателя и министра юстиции было общеизвестным.

– Зачем вообще тушить, само погаснет, – заявил зампреда Замятин. – Наши предки специально пал поджигали, чтобы увеличить посевные площади.

– Считаете, что духи предков лес подожгли? – насторожился суеверный Мямлин.

– Выяснить, чья это работа, обязанность полиции, – уклончиво ответил Замятин.

Митрополит Егорий в духов не верил, но на всякий случай перекрестился и зашептал молитву.

Воловик встал:

– Мы уже выяснили; духи предков не появлялись. В донесениях наших информаторов о них нет ни слова. Задержан реальный вредитель, устроивший лесной пожар. Мы думаем, что он действовал не один; одному человеку устроить такой пожар не под силу.

– Под вашим носом, Мямлин, орудают диверсанты и террористы, – заметил Кукуев.

– Да, пожалуй, это диверсанты, – согласился Воловик.

– Так почему они еще на свободе? – спросил Мямлин.

– Ночью в лесу их не видно. А проводить задержания днем не можем: шлемы личного состава на солнце плавятся. Вот если бы правительство профинансировало покупку новых шлемов...

– Денег на шлемы в казне нет! – категорично отрезал зампреда Загладин.

– Изыщите, чтобы полиция смогла заняться отловом преступников, – потребовал Мямлин. – Остальных прошу подумать, как спасти леса без надуманных господином Кукуевым воздушных шаров.

– Всенародной молитвой, – сказал митрополит. – Господь непременно поможет. Ибо власти у Создателя поболее, нежели возможностей у нашей армии.

В голове Мямлина мелькнула мысль, что, приняв предложение митрополита, можно будет любые неудачи списать на безответственную работу священников. Он мысленно попросил у митрополита прощения за оскорбительную для церкви мысль и улыбнулся:

– Так и поступим, ваше преосвященство. Господа, подключайтесь, созывайте народ сегодня вечером в храм. Работающим ночами оплатите присутствие на молитве по двойному тарифу.

– У нас нет таких денег! – вскричал Загладин. – Сколько можно повторять одно и то же!?!..

– Так внесите личную лепту в борьбу с огнем, продайте новую бричку, передвигайтесь на велосипеде. – Мямлин понимал, что переступает границы дозволенного, заявляя претензии на частную собственность, но ситуация требовала решительных действий.

Подобная суровость председателя и даже, можно сказать, жестокость, удивила и изрядно испугала министров. Загладин, ища поддержки, взглянул на коллег. Поддержки не обнаружил, напротив, коллеги смотрели на него осуждающе. И, чтобы самим не попасть под раздачу, быстро покинули кабинет председателя. Брички ждали их у входа. Морды у лошадей были снулые. Кучера на козлах спали, накрывши головы мокрыми платками.

Загладин вырывал из блокнота листок и прикрепил к борту брички рукописное объявление о продаже транспортного средства в одну лошадиную силу по сходной цене.

В это время в столице Президент читал дайджест происшествий в стране, ежедневно представляемый ему комиссаром первого ранга Задорожным, начальником СВБД. (Аббревиатура Службы Внутренней Безопасности Державы, называемая в быту уважительным словом «Свобода»).

– Я не нахожу тут сведений из Полянска, – сказал Президент.

– Что-то случилось со связью, господин Президент. Пока никак не можем её наладить. Но в неведение не останемся. В Полянской губернии находятся мой информатор. Он найдет способ сообщить, что там происходит.

– Что ж, подождем его донесений.

4. Юродивый

На улицах Полянска появились монахи с рупорами в руках. Они шли по городу, громко приглашая горожан вечером в храм, чтобы общей молитвой и покаянием спасти леса от пожара.

– Обретете благосклонность владыки и вознаграждение от правительства, – обещали они.

– Вознаграждение – это сколько? – интересовались поляне, высовываясь из окон.

– Не волнуйтесь, все будет посчитано справедливо, – отвечали глашатаи. – Председатель правительства гарантирует.

Тут же нашелся скептик, не доверяющий правительству. В любом человеческом сообществе – большом и малом – всегда существует такой зануда. Учитель сольфеджио Чехвостов потребовал еще и гарантии лично губернатора. Но народ его не поддержал; у губернатора и без пожара забот достаточно.

К ночи люди потянулись в храм. Возле храма топтался лесник Куча. Чтобы прикрыть наготу, он достал где-то лохмотья и навесил на себя ржавые цепи, чем стал похожим на юродивого, то есть почитаемого народом человека. На его плече по-прежнему сидела ворона. Юродивый называл её Маня.

– Она понимает человеческую речь? – интересовались прихожане.

– Ворона – птица вещая, она все понимает, – отвечал юродивый.

– Я еще и красавица, – добавляла ворона Маня.

Присутствие незнакомого юродивого и вещей птицы митрополит и народ восприняли как знак, посланный свыше, что убеждало в успешности молитвенного действия. Однако юродивый, узнав, что молиться придется, пока Господь не услышит, внес сумятицу в головы прихожан:

– Когда Господь нас услышит, это лишь ему самому ведомо. Он, может, сейчас другим занят. Войной в Анголе, или еще чем, особо важным. Народу на земле вон сколько, за всеми не уследишь.

Слова юродивого расстроили православных. Выходит, какая-то Ангола для Создателя важнее Полянской губернии?! Как только такое могло придти в голову?! Нонсенс какой-то! Но ежели юродивый прав, что вполне возможно, то молиться придется до бесконечности, а дома киснет недопитое пиво и выдыхается перцовка!

Прихожане стали шепотом выражать недовольство: сказали бы сразу, что впереди долгая Всенощная, мы бы подготовились. Только один человек, библиотекарь Голль, догадался взять пиво с собой. Сообразительный старик, даром, что немчура. А, может, именно потому. При виде бутылки пива в его руке, недовольство народа усилилось, – людей чужая сообразительность сильно травмирует.

Митрополит Егорий успокоил горячие головы.

– Братья и сестры, мы собрались вместе, чтобы донести просьбу к Вседержителю о благодатном дожде, – сказал митрополит. – Будем молиться искренне, не лукавить и не отвлекаться мыслями на дела грешные, и Господь нас непременно услышит.

Митрополиту поверили; горожане уважали его за знание наизусть всего Требника. А такие знания доступны только людям высоконравственным и образованным.

Егорий окропил прихожан и приступил к молитвам. Пел церковный хор. Горели свечи, мрачно смотрели с икон лики святых. Пахло ладаном. Было торжественно, благостно и томно. Сначала по совету Егория помолились за здравия Семен Семеновича Скрепина – все же он послан народу свыше, можно сказать Божий крестник – а затем о ниспослании дождя.

Спустя три часа сделали двадцатиминутный перерыв. Вышли во двор храма подышать свежим ночным воздухом. Задрали головы кверху. В небе поблескивали звезды. В вышине металась летучие мыши. Дождь ничто не предвещало. Далеко у горизонта виднелись отблески пламени. Ветер доносил до города запах гари.

– Лучше бы мы молились в кирхе, – прошептал на ухо соседу библиотекарь Голль. – Там хоть скамейки есть.

– Ты свою вражью пропаганду брось, – так же тихо шепнул сосед.

Моления продолжались до рассвета. Дождь так и не пошел. Ветер разогнал дым, взошло солнце и тут же выжгло дыру в небе. День обещал быть еще жарче вчерашнего. На солнце какая Всеночная? И Егорий по доброте душевной отпустил всех домой, к семье и пиву. Вечером велел собраться снова:

– Проведем Крестный ход, – сказал он и позвал новоявленного юродивого к себе домой, чтобы вызнать, каких еще неприятностей ждать от провидения. Вдруг что-то знает. Святой человек, вон какие цепи на себе таскает, плоть умерщвляя.

Куча, расстроенный потерей лошади, находился в мрачности.

– Вишнебочка есть, – прошептал Егорий. – И закусочка...

– А сыр? – поинтересовалась ворона.

– И сыр есть.

Наличие вишневки подняло леснику настроение. Пошел. Ворона полетела вперед – на запах сыра.

По дороге развеселившийся юродивый напевал:

Извела меня кручина

Подколотная змея.

Догорай моя лучина,

Догорю с тобой и я...

«Не иначе как иносказание», – подумал митрополит и попытался расшифровать глубинный смысл песни юродивого. Расшифровать не удалось. А утром выяснилось, что это было настоящим пророчеством, и оно подтвердилось: леса сгорели полностью. На месте пожарниц чернела горелая земля, из которой торчали пики обгоревших стволов.

И как, скажите, после этого не верить юродивым и провидцам?

Митрополит стал относиться к юродивому с глубоким почтением, предоставил ему комнату в личных покоях. Куча тут же сообразил, что статус провидца дает ему большие преференции в глазах населения, и приобрел на блошином рынке еще несколько тряпок и цепей для своего гардероба.

О даре предвидения юродивого пошли пересуды. Обсуждали и смог, окутавший город. Духовное и низменное сплелось в головах горожан в один клубок.

Газета «Обыватель», отражавшая проблемы, волнующие население, писала:

Из печатного листка «Обыватель»

Смог, появившийся в результате лесных пожаров, вызвал у граждан Полянска справедливый вопрос: – Как повлияет задымление воздуха на здоровье?

Газета переадресовала этот вопрос руководителю департамента здравоохранения, профессору Майскому.

«По данным медицинских исследований у полян особый генотип. В силу чего дым отечества нам сладок и приятен. Во времена чумных эпидемии и нашествия малярийных комаров дымом спасали жизни людей. Отсюда вывод: здоровье настоящих аборигенов, то есть патриотов Полянска, семьи которых из поколения в поколение здесь проживали, от дыма только улучшится, – сказал, оптимистично улыбаясь, доктор. – Прибавится энергии для созидательного труда и свершений».

Ответ светила медицинской науки дал пищу для споров ученых, разделив их на два лагеря: оппонентов и приверженцев. Оппоненты утверждали, что дым вреден, и никакой особый генотип не спасает легкие от загрязнения дымом и энергии не прибавляет.

– Геном содержит только план развития организма, – говорили они. – И подобная чушь, как патриотизм, к генам никакого отношения не имеет. Ибо патриотизм – вещь не наследственная, а благоприобретенная.

– Взгляните на поведение наших дедов в войнах и минувших стройках социализма, – парировали приверженцы теории Майского. – Благодаря этому генотипу они совершали великие подвиги. Простой люд был от этих споров далек. Мнение профессора Майского народ воспринял как рекомендацию и высыпал на улицу. Люди стояли, раскрыв рты, глотали дымный воздух и посматривали по сторонам, – вдруг кто-то из соседей не вышел за порцией здоровой энергии, чем выдал свою непричастность к истинным патриотам. Значит, чужие. Впредь встреч с такими людьми желательно избегать. И уж ни в коем случае не болтать с ними лишнего, куря на лестничной площадке.

5. Смерть губернатора

Едва народ приспособился к жаре, перейдя на ночной образ жизни, как еще большее горе обрушилось на губернию. Ровно в восемь утра скончался генерал-губернатор. Час назад был здоров, плавал в бассейне, бодро позавтракал, вышел в сад, присел у пруда на скамеечке, покормил сушеным мотылем рыб и упал на землю за смертью. Девяносто восемь лет прожил на земле человек, из них шестьдесят шесть лет и шесть месяцев правил губернией, и вдруг – умер. Три шестерки, цифры для человека, конечно, губительные. Но генерал-губернатор не простой человек. Неужто и тут война в Анголе Господа отвлекла?

Во дворце поднялась суета. Растерявшаяся челядь носилась по комнатам, не зная, что предпринять. Кто-то сообразил взобраться на колокольню приусадебной церкви, вывесил черный траурный флаг и зазвонил в большой колокол. Метнулись в сторону испуганные голуби, ютящиеся под церковными сводами.

Старший майор Вахтов, совершавший утренний моцион в сопровождении ординарца, услышал звон колокола, увидел черный флаг над колокольней и помчался во дворец, бросив на ходу ординарцу, капитану Круглову:

– Привези форму!..

Он не зря требовал форму, подозревал, что без формы охранники его не признают и ворота не откроют; для людей военных все гражданские на одно лицо. Так и произошло. Дежурные на КПП глянули на Вахтова раздраженно; мало ли кто у дворца топчется; в лихую годину не до жалобщиков. Отогнали от ворот подальше. И пусть скажет спасибо, что обошлось, ведь могли согласно инструкции уложить на землю и выпороть. Старший майор не возмутился, карой не пригрозил, наоборот, подумал, что охрану надо поощрить за бдительность, сам ведь эти инструкции сочинял. Но от такой, чересчур благодушной мысли сразу же отказался: все-таки подчиненным следует начальство знать в лицо.

Ординарец привез форму. Вахтов переоделся. Сверкнули золоченые аксельбанты, заалел околышек фуражки, и стражи тотчас признали начальника. Поминутно кланяясь, трясущимися от страха руками открыли перед старшим майором ворота. Вахтов уже скрылся во дворец, а они продолжали кланяться ему вслед, – вдруг повернется и вспомнит, что его не пускали. Нехорошо получится. А спине не убудет лишний раз согнуться. Здоровью вообще от частых наклонов большая польза.

Вахтов прошел в гостиную, велел прислуге подать кофе. Горничная принесла целый кофейник.

– Погоди-ка, – остановил её старший майор. – Скажи мне, милая, что ты подавала сегодня Семен Семеновичу на завтрак?

Милая со страху рухнула в обморок. Вахтова эта фортель не удивила; слуги часто предпочитали обморок дружеской беседе с начальником охраны.

Два оперативника отнесли неподвижное тело в соседнюю комнату.

Вахтов велел привести повара. Тот даже до гостиной не дошел, рухнул по дороге. Его положили рядом с горничной. Спустя полчаса набралась дюжина обморочно-неподвижных тел, а Вахтов так и не получил ответа на вопрос, чем завтракал утром покойник. И кто знает, до какого числа возросло бы количество павших от страха дворовых, если бы не приехал профессор Майский. Он осмотрел тело, прощупал пульс и сообщил начальнику охраны, что признаков отравления не находит.

– Так отчего он умер?

– От старости, – сказал профессор. – От старости люди порой умирают.

Вахтов задумался. Смерть губернатора могла оказаться концом его карьеры. Должность давала ему беспрепятственный доступ к уху губернатора, чем он и пользовался. И это заставляло всех – от челяди до министров – при его появлении трепетать и лебезить. Теперь его положение будет зависеть от нового губернатора. А кто им станет неизвестно. Если Мямлин, то жди беды. Голова может простить былую обиду, задница – никогда. Зад – самое памятливейшее место у человека. В лучшем случае назначат его начальником горотдела полиции в какую-нибудь Тмутаракань на границе губернии. Или того хуже – отправят на досрочную пенсию. Сам он, пожалуй, опалу пережил бы, но Алису, ставшую его родственницей пару месяцев назад, ни один вариант не устроит. В глушь с ним она не поедет, а его пенсии хватит ей только на булавки. И тогда... О том, как поступит тогда Алиса, он даже думать не хотел, ибо прикипел к девушке душой и телом. Такое часто случается с холостыми мужчинами среднего возраста, встретивших двадцатилетних кузин.

От этих мыслей Вахтову стало не по себе. Оглянулся, вдруг кто-то догадался, о чем он думает. Вышколенная челядь стояла в стороне, застыв в ожидании распоряжений и исподволь следя за его мимикой. Достаточно одного движения брови, чтобы они бросились исполнять его желание. Вахтов заметил готовность на лицах слуг и устыдился охватившей его неуверенности в собственных силах. Чем, собственно, Мямлин и министры отличаются от челяди? Да ничем. Такая же пугливая и безынициативная свора. И тут старшего майора осенило; он понял, что с Мямлиным и министрами следует вести себя так, словно ничего в его положении не изменилось.

Вахтов почувствовал прилив энергии, принял суровый вид и повернулся к слугам:

– Снимите черный флаг, прекратите трезвонить и отыщите моего ординарца. Живо!

Слуги бросились выполнять приказ. Примчался ординарец, взмыленный и растрепанный.

– Усиль охрану дворца. Никого не впускать и не выпускать! – велел Вахтов. – Приедут министры, гони их ко мне.

– Они уже приехали. И митрополит с ними. У дверей дворца толпятся. Я им сказал, что вы пока заняты.

– Подержи их там еще минут десять, и все. Чтобы без моего разрешения ни одна муха из дворца не вылетела. Я на тебя надеюсь, парень. Не подведи.

– Не поведу, будьте покойны! – Ординарец умчался.

Слова «будьте покойны» в данной ситуации звучали сомнительно, но старший майор не обратил на них внимания; не до придиорок сейчас.

Десять минут Вахтов провел в одиночестве. Медицине давно известно, что стресс активизирует работу мозга. Мозг Вахтова работал в ускоренном режиме. Он думал о том, как создать для министров неразрешимую проблему, которая заставит их обратиться к нему за помощью. И придумал.

Преданный ординарец исполнил приказ начальника, не забыв указание «гони ко мне». «Гнать» можно только беспомощного человека. Отними у него брючный ремень, отбери шнурки, и он почувствует себя беспомощным. Капитан Круглов знал человеческую психологию: впустил в комнаты правительство и митрополита с условием снять обувь при входе.

Простое, казалось бы, требование: в лучших домах Полянска гостям тапочки предлагают, и никого это не смущает, разгуливают по паркету в стоптанных тапочках спокойно. И мужчины и женщины. Даже вальс танцуют. А тут министры вдруг оробели и утратили начальственную спесь. Разулись. Только начальник полиции сперва заартачился, не соглашался снять сапоги, помнил, что портянки не первой свежести. Не в гости же пришел, на службе находится. Но под давлением председателя правительства сдался, стащил с ног сапоги вместе с портянками, пошел босым.

Министры прошли в гостиную. Их лица искажали слезливо-встревоженные гримасы. Растерянность читалась в глазах: в одночасье рухнул их привычный мир. Самому старшему из них еще не исполнилось и пятидесяти лет. Они родились, учились и выросли при генерал-губернаторе Скрепине. Тот был всегда. Как небо, как смена времен года, как воробьи под ногами или тараканы на кухне. Он был губернатором, когда их еще на свете не было, и они верили, что будет губернатором вечно. С внезапной смертью Скрепина они почувствовали себя брошенными на произвол судьбы. Топтались и смотрели на Вахтова вопрошающими собачьими глазами. Невелик чин старшего майора, но властность человека определяется не чином, а его харизмой. Правда, что означает харизма, никто толком не понимал. Да и само слово какое-то гадкое, вроде «харя». Однако у кого она есть – не харя, а харизма – тот и начальник. Хотя случается, что эти два понятия уживаются в одном человеке. (Это общее рассуждение, к старшему майору не относящееся; у него все же не харя, а худошавое интеллигентное лицо и очки, между прочим, в тонкой золотой оправе).

– Не слишком-то вы торопились, – попенял министрам Вахтов.

– Дорожно-транспортная авария на дороге, господин старший майор, – объяснил Мямлин.

Вахтов удивленно поднял брови:

– Что за пургу вы несете? Какая на хрен, авария, когда машины не ездят?

– Моя бричка перевернулась, – пролепетал Мямлин.

– А не надо хватать поводья, чтобы научиться управлять лошадьми, – ввернул министр юстиции. – Нужно сначала на своей Касандре потренироваться.

– Не лезьте в мою частную жизнь! – потребовал Мямлин.

Вахтова эта перепалка обнадежила.

– Рассаживайтесь, господа. Сейчас нам не до мелких склок, – сказал он, изображая миротворца. – У нас проблема много серьезней.

– Верно, – уныло произнес Загладин. – Какой человек скончался... Как теперь жить?

Министры тяжело вздохнули.

«Сами в капкан лезут», – подумал Вахтов. – Жить нужно по-прежнему, господа, – сказал он. – Понятно, что кончина губернатора, к которому привыкла губерния, травмирует население. Поэтому факт смерти Семена Семеновича не должен быть обнародован. Мы сообщим, что Скрепин болен, и со временем предъявим народу его двойника.

– Двойника? – переспросил Мямлин.

– Именно. Вы же не хотите, чтобы у нас менялись правители, как в иных губерниях.

– Боже упаси! – хором вскричали министры.

– Значит, нам нужен новый губернатор, внешне похожий на Скрепина. Его двойник.

– А где мы возьмем такого двойника? – спросил рассудительный митрополит.

– Здесь и сейчас. – Старший майор повернулся к Майскому: – Скажите, профессор, кого из присутствующих можно сделать похожим на покойника?

– Любого, – не задумываясь, ответил Майский. – Был бы только под рукой бронзовый подсвечник.

– Всем известен ваш юмор, доктор, – сказал Вахтов. – Но нам не до шуток. Я говорю о пластической операции.

Майский стал серьезным, ощупал головы каждого министра и заявил, что подходит череп министра юстиции. Придется, конечно, кое-что убавить и кое-что добавить, но это частности.

– Я согласен! – возбудился Кукуев.

Вахтова взглянул на министров: дескать, что скажете?

– Возражаем! – дружно вскричали члены правительства.

– Только через мой труп! – заявил Мямлин

– Не вопрос, – усмехнулся Кукуев.

Лицо Мямлина потемнело от гнева, глаза затуманились. Ненависть и мечты о мщении смешались и произвели в его голове полный сумбур.

– А кто, по-вашему, господа, достоин стать губернатором? – спросил старший майор, не обращая внимания на цвет лица председателя.

Министры, насупись, молчали. В помещении повисла тревожно-гнетущая тишина, готовая вот-вот взорваться скандалом. Вахтова это устраивало.

– Ладно, поищем кандидатуру двойника на стороне, – спокойно сказал он. – Надеюсь, за пару недель найдем. А Семен Семенович пусть пока отдохнет в подвале.

– При такой жаре тела быстро разлагаются, подвал не поможет, – заметил профессор Майский. – Губернатора нужно похоронить не позднее завтрашнего дня.

«Облом! Ну, кто мог предположить, что жара сорвет такой удачно придуманный вариант с двойником?!.. Ладно, возьмем паузу, там что-нибудь еще придумаем!» – пронеслось в голове Вахтова. Он развел руками:

– Что ж, господа, раз медицина и климатические условия не позволяют, подчинимся обстоятельствам, смерть Скрепина утаивать не станем. Проблему с новым губернатором решим позже, а сейчас займемся подготовкой его похорон. У вас сутки, чтобы организовать всенародные проводы покойного по высшему разряду. Он это заслужил.

– Заслужил, – согласились министры, огорченно вздохнув: назревающий на почве назначения нового губернатора мордобой, увы, не случился.

– Каменный склеп, навевающий скорбь катафалк, гроб с кистями, венки, музыканты, все чиновничье сословие и горем убитое население, – перечислял Вахтов. – Народ должен проливать горячие слезы. И поручите поэтам сочинить достойную эпитафию. Все ясно?

– Да.

– Вперед и с песней! – скомандовал Вахтов. – Воловик, вы останьтесь.

Мямлин, совершенно одуревший от жары и всего происходящего, воспринял команду старшего майора всерьез. Вспомнив, что на срочной службе в армии был запевалой, по-военному повернулся и запел:

Маруся, раз, два, три, калина,

Чернявая моя дивчина

Члены правительства подхватили:

В саду ягоды рвала...

Министры не свихнулись; привычка чиновников подражать начальству заставила их петь. Привычка, знаете ли, вторая натура. Это как чемодан без ручки. Чтобы от него избавиться, нужны сверхчеловеческие усилия. Пели хорошо, слаженно. С ними запел и профессор Майский. У него оказался приятный баритон. Певцы строем покинули гостиную.

Старший майор с изумлением смотрел им вслед. «Бараны, каких еще поискать... – думал он. – Теперь понятно, за какие качества старик делал людей министрами».

Воловик, стоявший навтыжку, негромко кашлянул, привлекая внимание Вахтова.

– О, простите, полковник, задумался. Вам особое поручение. Нужно взять под охрану переулки, выходящие на проспект, по которому пройдет процессия. Чтобы никто не удрал с похорон. Любые попытки скрыться пресекайте жестко, невзирая на лица.

– Слушаюсь!.. – шелкнул босыми пятками полковник, и выбежал из гостиной.

6. Похороны

В губернии объявили трехдневный траур. Митрополит Егорий предложил выставить тело покойного в зале дворца, чтобы народ мог с ним попрощаться. Вахтов возразил:

– Газета уже призвала народ на похороны. В такую жару дважды прощаться с губернатором люди не придут.

Митрополит пробурчал: – Бог терпел и нам велел, – и согласился с доводами старшего майора.

Члены правительства трудились над подготовкой похорон, не покладая рук. Правда, на подготовку потребовались не одни сутки, а двое. Но министры в этом не виноваты; не хватало опыта, не каждый день им доводилось хоронить губернаторов. К тому же часть рабочего времени пришлось отстоять на отпевании покойника в приусадебной церкви. Стояли среди челяди и дворцовой прислуги. Было тесно, душно и тоскливо. Голуби, вернувшиеся под своды церкви, беспардонно летали и мешали молитве. Настроение – хуже некуда. К утру третьего дня задание Вахтова выполнили. Можно было приступать к церемонии. Испортил обедню, как говорится, местный поэт Силькин, которому поручили сочинить эпитафию.

– Вот, – гордясь своим творением, сказал он, вручая Вахтову сочиненный текст.

Старший майор прочел: «Под камнем сим залег навек весьма достойный человек».

– Достойный?! – возмутился он. – И это о выдающемся генерал-губернаторе?! Немедленно переделать!..

Переделать, так переделать. Успокаивая себя тем, что старшим майорам не обязательно понимать поэзию, поэт удалился. Спустя три часа он принес новую эпитафию: «В сем мавзолее–склепе покоится великий губернатор Скрепин».

Словосочетание «мавзолее–склеп» Вахтову понравилось. В нем было что-то значительное и ассоциировалось со знаменитым индийским мавзолеем Тадж-Махал. «Даст бог, и сюда туристы повадятся, – подумал он, представив себе длинную очередь и ряд ларьков, торгующих сувенирами. – О нас во всем мире узнают, и бюджету польза». Старшего майора заботило не только собственное будущее, но и будущей губернии, что говорит о нем с положительной стороны. Он передал текст Мямлину:

– Срочно выбить на фронте склепа.

Мямлин прочел эпитафию и дружески пожал поэту руку:

– Замечательный стих.

От такой оценки его творчества руководством губернии, Силькин впал в эйфорию и, получив положенный гонорар, ушел в затяжной запой. Большой поэт может себе позволить такую вольность.

К полудню зазвучали колокола всех сорока городских церквей, сообщая народу о начале церемонии похорон. У губернаторской резиденции остановился инкрустированный полудрагоценными камнями катафалк. Головы шести пар коней, впряженных в повозку, украшали плюмажи из черных страусиных перьев и серебряные сбруи. Тут же появилась группа чиновников в панамках и белых простынях, наброшенных на плечи на манер римских тог. Оголенное предплечье каждого обвивала черная повязка. Многие держали в руках венки. За чиновниками появился духовой оркестр. Оркестранты устроились поодаль от ворот дворца и принялись настраивать инструменты.

– Чиновники в белом? – изумился Вахтов, повернувшись к Мямлину.

– Эллины всегда ходили в белом. И на похоронах тоже, – ответил председатель правительства.

– С какого бодуна мы стали эллинами?

– Ученые сдвинули ось земли на тридцать градусов широты южнее. Мы теперь находимся на месте древнего Рима. – И с тоской добавил: – Зимой на лыжах не покатаешься...

– Нужно было строго контролировать ученых, – раздраженно бросил Вахтов. – Что хотят, то и творят!

– Мы их накажем, господин старший майор, – пообещал скопидом Загладин. – Лишим финансирования на полгода.

К дворцу приближалась толпа горожан, сопровождаемая полицейскими в шортах и пробковых шлемах. От вида горожан у Вахтова полезли на лоб глаза. Женщины шли в купальниках – нашли, наконец, возможность в них покрасоваться – мужчины в набедренных повязках и соломенных шляпах.

– Но это даже не эллины, это какие-то бушмены на первомайской демонстрации, черт возьми!.. – вскричал старший майор.

– Они не знают, чем отличаются римляне от бушменов, – объяснил Мямлин. – Необразованный у нас народ.

– Потому что нет министерства культуры.

– Создадим, – пообещал председатель правительства. – Найдем деньги и создадим.

– Не найдете, денег нет! – воскликнул Загладин. – Я лично искал. Весь кризисный фонд казны истрачен на шлемы полиции.

– Попробуйте создать министерство без особых затрат, – посоветовал Мямлину старший майор. – На энтузиазме творческой интеллигенции.

«Ну да, держи карман шире, – иронично подумал Загладин. – Интеллигентность не тот дефект, который превращает человека в бесплатного энтузиаста».

Из часовни слуги вынесли гроб из красного дерева. Гроб водрузили на катафалк, оркестр заиграл похоронный марш, и процессия тронулась.

Шли по центральному проспекту, уже переименованному из проспекта Перестройки в проспект имени Крепина. Горожане торчали в окнах домов и на балконах, любовались красочностью процессии. Впечатляющая, надо признаться, процессия. Сразу позади катафалка гвардейцы несли красные подушечки с орденами губернатора, счетом двести шестнадцать. За ними ехали члены правительства на бричках с задрапированными черным крепом бортами. Из уважения к покойнику министры управляли бричками сами и стоя. За ними чиновники несли венки, равные количеству орденов. Главный редактор газеты Канарейкин и банкир Фигин шли в рядах высших чиновников. Далее шли священники во главе с митрополитом и оркестр. За оркестром – население. Замыкали процессию двенадцать пар тяжелых коней, впряженных в лафеты. Дула пушек, установленных на лафетах, торчали вверх. На одном из лафетов сидел юродивый. Ворона летела над процессией и выла как деревенская плакальщица: – На кого же ты нас оставил, кормилец?..

– Лучше бы она призвала молиться, – шепнул митрополит Мямлину.

– Птица? – удивился Мямлин.

– Птицы тоже божьи создания, – ответил Егорий.

Немного вредила общему впечатлению от похорон жара. Белые простыни от жары не спасали, пот градом катился по лицам и спинам людей. Трубы, валторны, тромбоны и тубы оркестра издавали хрипящие звуки. Плакать, как велено, у людей не было сил. Кое-кто попытался юркнуть в переулок, но, наткнувшись на кордон полицейских, возвращался в процессию. Скрыться удалось только сообразительному библиотекарю Голлю, предъявившему полицейским справку врача, запрещающую ему находиться на солнце по состоянию здоровья.

– Врет, что немец, – убежденно сказал полицейский напарнику. – Очень уж хитрый.

Процессия появилась на кладбище и остановилась у нового склепа. Штукатурка склепа еще не просохла. На фронтоне блестела на солнце эпитафия. По обе стороны дверей склепа

стояли гипсовые львы, покрытые желтой краской. В пасти львы держали листки с предупреждающей надписью «Осторожно, окрашено!»

Митрополит прочел молитву. Затем к гробу подошел Мямлин.

– Семен Семенович ушел от нас, и сейчас заслуженно наслаждается райским покоем, – сказал он. – А мы остались, чтобы, бережно храня память о губернаторе, справиться с вызовами реальности – измененном климате и провокационными слухами о конце света. Ибо великий человек завещал нам жизнь. Символично, что судьба наделила его фамилией Скрепин. Она скрепляла наше общество в прошлом, и должна скреплять в будущем. А будущее видится...

– Ну, завел шарманку. Остановите его, Владыко, – шепнул митрополиту юродивый. – Жара, того и гляди, кто-то еще помрет.

Митрополит, относившийся к словам юродивого с большим вниманием, кивнул и дал знак оркестру продолжать церемонию. Оркестр заиграл минорную музыку и заглушил последние слова Мямлина. Монахи внесли гроб в склеп. Склеп завалили венками и живыми цветами. Пушки на лафетах изрыгнули троекратный залп. Ворона взвыла: – О, горе нам! Горе!..

И вся толпа мгновенно рассеялась.

Вахтов остался у склепа. Сел на ступеньку в тени стены, закурил и вспомнил о том, как играл с губернатором в очко на деньги. Губернатор – грех так говорить о покойниках – был скуп и злился, когда проигрывал. Вахтов, чтобы не злить старика, старался сдать карты так, чтобы у губернатора всегда получалось 20 или 21. Для этого он даже брал уроки у известного шулера. А когда Семен Семенович, сдавая карты, прятал туза в рукаве, начальник охраны делал вид, что не замечает мошенничества.

Старший майор, улыбаясь, постучал по стене склепа:

– Прощай, старый прохвост. И спасибо; я многому у тебя научился, и мог бы тебя заменить. – И вдруг улыбка сошла с его губ, он понял, что сказал. «Дерзость, конечно, но было бы неплохо», – подумал он. И почему-то разволновался.

Он встал, выбросил окурок, собрал из цветов у склепа большой букет и направился к выходу из кладбища, где его ждала карета. Поехал домой, надеясь, что кухня отвлечет его от нахлынувших мыслей.

Алиса лежала возле бассейна, укрытого тентом от солнца. Она злилась; уже два дня Вахтов не появлялся на вилле. До сих пор он все вечера проводил дома. Еще недавно она работала стриптизершей в стрипбаре, и не подозревала, что у неё есть высокопоставленный родственник. Вахтов обратил на неё внимание, когда она танцевала у шеста. И, как он потом объяснил, сразу почувствовал какую-то мистическую связь с танцовщицей. Сама Алиса ничего подобного тогда не чувствовала. Ну, сидел обычный, средних лет посетитель в гражданском костюме, смотрел на неё, как все мужики, затуманенным от желания взглядом. Но когда узнала, что это всесильный начальник охраны губернатора, тоже почувствовала странную связь. Она спустилась с подиума и присела у столика старшего майора. Он заказал для неё двойной аперитив. Слова за слово – объяснились. Алиса согласилась переехать на его виллу под видом троюродной племянницы. В тот же вечер Алиса распрощалась с баром, заявив, что встретила дядю. Подруги по подиуму ей смертельно завидовали. Стрипбар работает без выходных, стриптизерш там добрый десяток, Вахтов для всех заманчивый родственник, и кто знает, не там ли он провел последние две ночи. И не нашел ли другую племянницу?! И что, ей опять возвращаться к шесту?!.. Ну, уж нет, этому не бывать!

Девушка так себя распалила, что готова была задушить дядю-изменщика.

Приехал Вахтов и вручил девушке роскошный букет. Казалось бы, букет должен был её порадовать. Но женщина всегда остается женщиной. Она знала, что мужчина дарит цветы, когда чувствует себя виноватым.

– Думаешь цветочками отделаться? – зло спросила она. – Ты где пропал два дня?

– Похоронами Скрепина занимался, – сказал Вахтов. – И не шуми. Завтра появится новый губернатор и, возможно, потом я буду все время проводить дома.

Алиса была девушкой сообразительной, поняла, что дядю тревожит.

– Новому губернатору тоже понадобится начальник охраны, никуда он не денется, – успокоила она Вахтова. – Ты только не навязывайся, пусть губернатор сам попросит.

«Дельный совет», – подумал Вахтов, взял себя в руки и успокоился.

Из печатного листка «Обыватель»

Мы понесли невозвратимую утрату. И нет слов, чтобы выразить боль и страдания от этой утраты. Все население Полянска вышло на улицы, чтобы проводить Семен Семеновича Скрепина в последний путь. По обе стороны проспекта его имени стояли горожане. Некоторые держали на плечах детей. Дети размахивали флажками с траурными лентами и выпускали в небо белые воздушные шары. Все рыдали. Слезы градом катились по скорбным лицам. Пожилые люди, помнившие все деяния покойного генерал-губернатора, рыдали в голос. Звучал похоронный марш. Было грустно – народ прощался с целой эпохой...

7. Регент

Заседание правительства состоялось вечером. Из посторонних присутствовали только Вахтов и его ординарец, капитан Круглов. Для большей уединенности все спустились в подвал Дома правительства, зажгли свечи. Изготовленные из местного парафина, они сильно коптели. Копоть оседала на сводах подвала, создавая там черные узоры. По стенам метались длинные тени.

На повестке стоял один вопрос: кандидатура на должность губернатора.

Мямлин пребывал в скверном настроении. Вчера он поссорился с женой из-за её требования. А требовала Касандра пустяшную по её мнению вещь – сделать её первой леди губернии.

– Губернатором должен стать председатель правительства, – твердила она. – Упрись скалой, ни шагу назад, понял? Я уже новое платье купила к твоей инаугурации.

– Им всем плевать на мои притязания, – жалобно объяснял жене Мямлин. – Они Вахтову в рот смотрят. Пойми, он нас всех подавляет.

Касандра понять мужа не захотела: сунула ему носовой платок: «Высморкайся!» – и продолжала настаивать на своем требовании. Кончились их разногласия тем, что она не пустила мужа в постель.

– Я не отступлюсь. А ты выбирай: либо кресло губернатора, либо диван!

Мямлин так боялся Вахтова, что предпочел диван. Хотя понимал, что такой выбор ведет его брак к пропасти, у Касандры был упрямый характер.

Желая себя обезопасить заранее, он перед началом заседания посетил старшего майора:

– Господин Вахтов, прошу вас, ближайшего соратника губернатора, провести чрезвычайное заседание правительства.

– Ну что вы... После похорон Семен Семеновича мои полномочия кончились, – скромно заметил Вахтов. – Отныне я простой безработный.

Впервые в жизни Мямлин остался без мудрых советов генерал-губернатора и твердых указаний старшего майора. Даже Касандры не было рядом. О боже, боже, чашу эту мимо пронеси!..

– Но вы хотя бы будете присутствовать? – спросил, надеясь, что присутствие Вахтова немного образумит министров и хулигана Кукуева.

– Если пригласите.

– Не приглашаю, прошу!

Вахтов нехотя согласился посетить заседание правительства:

– Хорошо, посижу в уголке. Внимания не меня не обращайтесь.

Расстроенный Мямлин открыл заседание.

– У нас большие проблемы, господа, – вздыхая, неуверенно начал он. – Ждать помощи из столицы бессмысленно, там о наших бедах ничего не знают... – Говорил с паузами, перед высказыванием проговаривал фразу в уме и все посматривал на Вахтова. Но тот сидел неподвижно и отстраненно, словно изваяние. – В результате пропажи электричества губерния утратила связь со страной. Можно, конечно, послать гонца с донесением, но до столицы пять тысяч верст и горные перевалы. Пока он туда доскачет, пока вернется... А оставлять губернию без власти даже на короткое время нельзя; безвластие, оно хуже всякой революции. Мы просто обязаны срочно избрать губернатора; человека, не боящегося взять на себя ответственность за губернию. Пожалуйста, предлагайте кандидатуру. Можно свою.

В подвале воцарилась полная тишина. Члены правительства посматривали друг на друга, изредка откашливались и пили воду. Каждый готов был предложить себя, но не решался. Нет, не ответственность их сдерживала, – где это видано, чтобы губернатор за что-то нес ответственность?! – пугало желание любого коллеги повторить поступок Брута. Иными словами, воткнуть избранному губернатору нож в спину. Да и присутствие старшего майора сковывало.

Мямлин испытывал те же чувства, что министры. Но в отличие от них, точно знал, кто именно из присутствующих держит в руках нож, для него предназначенный.

Тягостное молчание затягивалось. Дальше молчать было нельзя. Мямлин решил провести опрос поименно. Желая задобрить «хулигана», выделив его из общей массы, обратился к Кукуеву.

– Для нас очень важно знать, что думает по этому поводу юстиция, – мягко сказал он.

– Сам думай. – Кукуев на дипломатический финт председателя не повелся, не простил Мямлину своего недавнего поражения. – Воспользуйся своим особым генотипом.

– У меня нет особого генотипа, – по-прежнему доброжелательно сказал Мямлин.

– Верно, у дураков его нет, – мгновенно согласился Кукуев.

Вахтов поморщился. В принципе он был не против хорошей потасовки, но она отвлечет министров от основной проблемы, а это его никак не устраивало.

– Простите, что вмешиваюсь, господа. Сейчас не время и не место для дискуссий, – сказал он. – У вас управленческий кризис, и вам нужно найти способ, как из него выбраться. Народ вам не простит медлительности.

Министры удивленно переглянулись: а причем тут, собственно, народ?

– Решает судьбу губернии не народ, а личность, – выразил общее мнение банкир Фигин.

– Наверняка в истории державы случались подобные кризисы. Пригласим ученых, выясним, как выбирались из таких передряг в прошлом, – предложил Замятин.

– Только не ученых! – воскликнул Загладин. – От них пользы, что с козла молока. Им бы только климат менять и планету по оси двигать.

– Народ, история, климат... – проворчал митрополит. – Пустое это, господа. Напоминаю, власть от Всевышнего. Не мы, а Господь выбирает властителя. Знак подает.

– А как мы пойдем, что это знак? – спросил Замятин.

– Мы не пойдем. А вот юродивый и увидит, и поймет, и объяснит. Через блаженных Господь говорит с нами. Юродивого пригласить на совет нужно.

Министры удивленно переглянулись.

– Владыко прав, – сказал Вахтов. – И вам ничем не помешает присутствие провидца.

Мямлин горячо поддержал Вахтова. Старший майор велел ординарцу отыскать и привезти юродивого.

Ординарец быстро покинул подвал. Он обнаружил Кучу возле рыбной лавки. Куча кормил Маню килькой. Кильку предоставил владелец лавки бесплатно, за право повесить над

лавкой рекламный баннер с фотографией вороны и текстом «У нас обедают юродивый и его ворона Маня».

Маня от кильки отказывалась, мотала головой и кричала:

– Не хочу больше! Я не чайка!..

– Рыбка жирная, ешь, набирайся сил, – настаивал юродивый. – Тебе предстоит дальний полет.

– В такую жару? Я тебе не Икар.

– Придется лететь, Маня. Ешь!

– Идем. – Ординарец тронул юродивого за локоть. – Ты нужен на заседании правительства. Министры нервничают, ничего решить не могут, злятся, готовы вцепиться друг другу в глотку.

– А причем тут я?

– Митрополит считает, что провидец поможет им выбрать губернатора. А по мне, так не морочились бы и избрали Вахтова. Он там единственный мужик с головой.

– Вряд ли я им чем-нибудь помогу.

– Босс, поговорим, – потребовала ворона, взлетев на плечо Кучи.

– Я сейчас, – сказал юродивый капитану и отошел с вороной в сторону.

– Что делали жрецы древней Греции, помнишь? – шепотом спросила Маня.

– Зарабатывали, – так же шепотом ответил юродивый.

– И нам не мешает. Идем, поможем властям.

– Попадем в глупое положение.

– Со мной? – удивилась Маня. – Ты лучше сам не оплошай.

Юродивый вернулся к ординарцу:

– Веди нас, служивый.

Пошли. В зале заседания ждали их с нетерпением. Ординарец направился к Вахтову, поднес руку к фуражке:

– Юродивый по вашему приказанию доставлен, господин старший майор.

Присутствующие с тревогой уставились на гостя, от которого зависела судьба губернии.

Куча поздоровался и велел вороне:

– Маня, поздоровайся с господами.

Ворона каркнула, перелетела на подоконник и с индифферентным видом стала смотреть в окно.

– Алчная, сукина дочь, – объяснил юродивый поступок вороны. – Без вознаграждения из неё слова не вытянешь.

– Сыра хочу, – ультимативно заявила Маня. – Зеленого. Чтобы запах на всю округу. – И сладострастно закатила глаза.

– Маня, ты ставишь меня в неловкое положение, – сказал юродивый. – Не выпендривайся, поздоровайся.

– Эксплуатор!.. – Ворона взлетела, сделала круг по комнате и прокричала: – Привет, старший майор!..

– Привет, птица, – улыбнулся Вахтов.

Маня сделала еще пару кругов по подвалу, трижды каркнула, прицелилась, и на белоснежном мундире Вахтова появилась капля птичьего помета.

– На счастье! – сказал юродивый

– Возрадуйтесь, дети мои! – воскликнул митрополит. – Птица указала нам губернатора!

– Капля помета – это знак? – удивился министр юстиции Кукуев.

– Не такая уж капля, – обиделась Маня.

– Знак, – подтвердил юродивый. – Не зря же по полету ворон жрецы предсказали судьбу Александру Македонскому.

– Так по полету, а не по дерьму, – не унимался Кукуев.

– Ничего случайного не бывает, господа. Не будем спорить с провидением, – дружно заявили Замятин и Загладин, стремясь первыми выказать свою преданность будущему властителю.

Полковник Воловик вскочил, вытянулся в струнку и отдал Вахтову честь.

– Господа, господа, подождите, – попросил Вахтов, вытирая мундир носовым платком. – Я не политик, я охранник. Конечно, меня можно упрекнуть, что не уберег Семен Семеновича. Следующего губернатора, гарантирую, буду охранять, как мать родное дитя. Но я не могу братья за работу, в которой не разбираюсь. Это было бы непорядочно с моей стороны.

– Не отказывайтесь, господин Вахтов, – попросил Мямлин. – Мы все вас просим.

Министры стали скандировать: – Про-сим, про-сим, про-сим!..

– Не противься Божьей воле, сын мой, – молитвенно сложил руки митрополит.

«Кажется, сами просят», – подумал Вахтов, глядя на угодливо улыбающихся ему министров.

– Ну, разве что временно... Пока не найдете более достойного человека.

– Пусть временно, – сказал митрополит. – Назовитесь Регентом и ступайте править.

Кукуев сделался мрачным; знал, что в реальной жизни всё временное постоянно.

Ворона вернулась на подоконник, скосила голову в сторону юродивого, подмигнула ему левым глазом и с довольным видом стала чистить перья.

– Господа, поздравим Регента, генерал-майора Вахтова, – предложил Мямлин.

– Я старший майор, – поправил Вахтов.

– Не стоит устраивать дебаты из-за одного слова, по сути ничего не меняющего, – сказал банкир.

«Сказочная история, – подумал Куча. – Прав служивый, у этого хоть голова есть». – И поздравил генерала: – Успехов, ваше превосходительство.

– Поздравляем! – вразной вскричали министры.

– Пожалуйста, без «вашего превосходительства» и моих портретов на витринах и заборах, оставьте там место для прессы, – попросил новоиспеченный Регент. – Я таких почестей еще не заслужил. Может, когда-нибудь в будущем... Потомки рассудят. А пока я обыкновенный гражданин.

– Справедливая поправка, – заявил Мямлин. – К главе губернии следует обращаться «гражданин Регент».

Название «гражданин Регент» Вахтова не смутило. Скорее наоборот, понравилось; в ней было что-то пикантное, созвучное с титулом Робеспьера. Прикольное, как сказала бы Алиса.

– Все, давайте закругляться, – раздраженно предложил Кукуев. – Всю ночь заседаем, рассвет скоро.

Ординарец откупорил бутылку шампанского. Выпили за удачно найденный выход из кризиса, за здоровье Регента, за процветание губернии, и разошлись. Юродивый вышел вслед за Вахтовым. Ворона сидела на его плече.

– Кстати, о вознаграждении вороны, гражданин Регент, – сказал Куча. – Маня берет натуральными продуктами.

– Деньгами тоже – добавила Маня.

– Получите, – пообещал Вахтов, испытывая благодарность к юродивому и его птице. – И приходите ко мне без церемоний. Лучше домой.

Из печатного листка «Обыватель»

Дорогие поляне! Газета спешит поделиться с вами доброй вестью: у нас новый глава губернии, Регент. Им стал генерал-майор Вахтов, сразу проявивший себя подлинным либералом. В доказательство своей приверженности либеральным ценностям и свободе слова граж-

данин Регент – таково официальное название должности генерала – запретил всякое возвеличивание его личности. «Никаких моих портретов на улицах», – потребовал он.

Губерния сделала первый шаг в обновленное будущее. С чем вас и поздравляем!

Юродивый не преминул воспользоваться приглашением Вахтова. Явился в среду на виллу Регента. Пришел аккурат к обеду. Один.

– А где Маня? – поинтересовался генерал.

– Где-то развлекается. Вороны – птицы с низкой социальной ответственностью.

После обеда Куча с генералом играли в морской бой. Кузина Алиса болела за дядю.

Впоследствии эти встречи стали традиционными и получили в семье генерала название «Юродивые среды».

В это время в столице Задорожный пил у себя на кухне утренний кофе. Кто-то постучал.

– Кто там? – вскинулся комиссар.

– Это я, курьер Маня, – раздалось за окном. – С донесением от резидента, господин комиссар первого ранга.

Комиссар подошел к окну. На подоконнике сидела ворона. К её лапе был привязан скрученный в трубочку лист. Задорожный впустил птицу в комнату, отвязал донесение, прочитал.

– Благодарю за службу, – сказал он вороне. – Посиди тут, я скоро вернусь.

Комиссар отправился к Президенту.

– Сведения о событиях, происшедших в Полянске с момента обрыва связи. Доставлено вороньей почтой, господин Президент, – доложил он, передав Президенту послание.

Президент прочел.

– Небывалая жара... – задумчиво проговорил он. – А у нас вот-вот снег пойдет. До чего ж необъятна наша держава.

– Да, от края и до края.

– Нет у неё краев, – жестко сказал Президент и вздохнул: – Скрепина жаль, могучий был старик. А этот Вахтов, он кто?

– Бывший начальник охраны Скрепина.

– Ты ему доверяешь?

– Семен Семенович доверял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.